

12+

Элиас Гримм

СЛАВЯНСКИЙ ХОРРОР

В ТЕНИ ПРЕДКОВ

Элиас Гримм

Славянский хоррор: в тени предков

<https://litres.ru/74504414>

ISBN 9785007131612

Аннотация

«Славянский хоррор: в тени предков» — путешествие по тёмной стороне славянского фольклора. Русалки, лешие, домовые и иные сущности здесь правят своими владениями — и встреча с ними сулит беду. Каждый рассказ — шаг туда, где прошлое не желает оставаться мёртвым, а имена давно ушедших напоминают о себе в зловещих снах.

Содержание

Дом	5
Кукла	18
Кукушка	22
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Славянский хоррор: в тени предков

Элиас Гримм

© Элиас Гримм, 2026

ISBN 978-5-0071-3161-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дом

Солнце, уже клонящееся к закату, бросало последние, дрожащие лучи на увядающую листву, когда старый, по-видавший виды «Пежо» наконец остановился у обочины. Алексей заглушил мотор, и в наступившей тишине, семья впервые взглянула на свое новое пристанище. Дом стоял на краю заросшего поля, в полусотне шагов от густеющего, как чернила, леса. Он был очень стар. Стены, когда-то, видимо, беленые, теперь покрывал плесневелый налет, кое-где проглядывали прогнившие доски. Крыша осела под тяжестью времени и мхов, окна, многие из которых были затянуты пленкой, казались слепыми, зияющими глазницами.

— Ну как вам? — Виктор Сергеевич, их риелтор, с трудом отвязался от ремня безопасности, его голос звучал подозрительно бодро, словно он только что совершил сделку века, а не продал руины. — Говорят, дом с характером. Прежние хозяева, знаете ли, уехали в спешке, по делам каким-то. Ну, сами понимаете, жизнь такая штука...

Марина, прижав к себе Никиту, шестилетнего сына, зябко поежилась, хотя воздух был еще теплым. Запах был смешанным: затхлая сырость, пыль и что-то тонкое, сладковато-гнилостное, напоминающее засохшие травы.

— Он... выглядит так, будто давно стоит пустой, — проговорила она, ее голос дрогнул.

— Так и есть! — не унимался Виктор Сергеевич. — Лет десять, а может и больше. Зато цена! Я вам как на духу — дешевле не найти. А лес какой рядом! Грибы, ягоды...

Алексей, напротив, излучал уверенность. Он потер руки, его взгляд уже оценивал потенциал: «Стены крепкие, крышу можно перекрыть, внутри перепланировка...»

— Неважно, как выглядит, важно, что внутри, — бросил он, беря ключи. — Главное, чтобы фундамент был хороший.

Они вошли. Внутри было темно. Пыль клубилась в лучах, пробивающихся сквозь щели в ставнях. По углам стояли груды старых вещей: рваные одеяла, истлевшие половики, потемневшие от времени горшки. За массивной, почерневшей от копоти печью, в самом дальнем углу, виднелся особенно внушительный навал хлама: старые доски, что-то вроде сундука, покрытого сукном, и целая куча мелких предметов, среди которых Алексей разглядел что-то похожее на старый лапоть.

— Вот этот угол... надо бы разобрать, — пробормотал

Алексей, отмечая про себя. — Хлам, только место занимает.

— А это что? — Марина подошла к старому, покрытому резьбой комоду. — Красивый.

— Старина, — Виктор Сергеевич поспешно вмешался. — Старинная мебель. Я вам так скажу, она уже как часть интерьера, добавляет колорита. Оставьте, так сказать, для атмосферы.

Алексей лишь кивнул. Ему было не до мебели. Его мысли уже были заняты ремонтом, а не антиквариатом.

Риелтор, как будто почувствовав, что его миссия выполнена, торопливо закончил:

— Ну, я пойду. Если что, звоните. Телефон мой у вас есть. Удачи!

Он буквально выпорхнул из дома, оставив семью наедине с его тишиной и запахами.

Первая ночь оказалась беспокойной. Сквозь сон Алексей слышал тихие, размеренные шаги, словно кто-то неспешно ходил по чердаку, над их спальней. Он списал это на старый дом, на оседание древесины, на ветер, играющий с ветхими

стропилами. Марина ворочалась рядом.

— Мне кажется... кто-то есть, — прошептала она.

— Это просто дом старый, — буркнул Алексей, переворачиваясь на другой бок. — Успокойся.

Но потом проснулся Никита. Его тонкий голосок, полный детского недоумения, донесся из соседней комнаты:

— Мама... папа... Кто это? Мне кажется, это какой-то дедушка... Он за печкой живет. Он просил не шуметь.

Алексей лишь выслушал сына, ничего не ответив. Лес за окном шумел, ветви царапали стекло. Он ничего не видел. Только темнота. И тихий, неумолимый стук где-то в глубине дома.

Прошла неделя. Неделя, наполненная запахами свежей штукатурки, звуками стройки и попытками навести порядок в хаосе. Но вместе с попытками обустроить быт, в доме начали происходить странности. Сначала это были мелочи, настолько незначительные, что Алексей отмахивался от них, как от назойливых мух.

— Алексей, ты не видел мои ключи от машины? — Ма-

рина обыскивала ящик с инструментами. — Я точно помню, что оставляла их на столе.

Нашли ключи... в банке с рисом, на кухне. Алексей пожал плечами: «Видимо, ты была слишком уставшая».

Потом пропал пульт от телевизора. Его искали по всем комнатам, перевернули диваны. Он обнаружился в печи, застрывший внизу, среди сажи.

— Да что за чертовщина? — возмутился Алексей. — Как он туда попал?

— Может, ты сам его туда уронил, пока печь топил?

Никита же, казалось, ничему не удивлялся. Он все чаще сидел у печи, что-то бормоча и сосредоточенно глядя в угол.

— Ты с кем там разговариваешь, Никит? — спрашивала Марина, стараясь говорить ласково.

— С дедушкой, — отвечал мальчик, не отрывая взгляда от пустоты. — Он мне игрушки показывает. Только они потом куда-то пропадают.

— Какие игрушки, сынок? — спрашивал Алексей, подхо-

дя к нему. — Это просто пыль там.

— Нет, папа! — возражал Никита. — Он мне их дает, а потом забирает. Он любит играть.

Алексей хмурился. Его рациональный ум отказывался принимать детские фантазии за реальность. Он придумывал себе объяснения: Никита играет один, прячет игрушки и забывает, где их положил. Дети в этом возрасте очень изобретательны.

Но однажды вечером, когда Алексей вернулся с работы, он увидел её. На стене в коридоре, прямо над старым, покосившимся зеркалом, была выведена кривая, корявая надпись. Углем.

«УХОДИТЕ»

Алексей застыл. Это уже не было похоже на детскую шалость. Надпись была крупной, нахальной, прямо кричащей.

— Что это? — его голос прозвучал как удар хлыста.

Марина, увидев надпись, побледнела, как полотно.

— Алексей... я не знаю... — прошептала она.

— Кто это сделал? — он обвел взглядом коридор. — Что

за чертова деревня!

Он рванул дверь, вышел на улицу. На улице никого. Темнело. В воздухе витал запах сырости и прелой листвы. Алексей вернулся, его лицо было напряжено.

— Я не знаю, кто это сделал, но я не собираюсь терпеть. Завтра же займусь этим углом за печкой. Пора навести порядок.

Он чувствовал, как внутри растёт раздражение. Этот дом, эта тишина, эти странности — все это нарушало его представления о спокойной загородной жизни. Он должен был показать, кто здесь хозяин.

Утро следующего дня выдалось хмурым. Небо было затянуто серой пеленой, моросил мелкий, противный дождь. Алексей, с решимостью, граничащей с яростью, приступил к «очистке» дома. Он вспомнил про тот самый угол за печкой, про горы старого хлама, которые вызывали у него отвращение.

— Марина, принеси мешки, — распорядился он, надвигая на голову кепку. — Будем вычищать это всё.

Марина, прикрыв рот рукой, наблюдала, как муж, воору-

жившись лопатой и метлой, начал раскидывать старые доски, обрывки тканей, истлевшие половики. Из-под этой кучи показался старый, покрытый пылью и паутиной лапоть, истлевший так, что казался хрупким, как опавший лист. Рядом лежал небольшой, аккуратно перевязанный пучок сухих трав, которое Алексей, принял за какой-то забытый «тайник» прежних хозяев.

— Вот он, мусор! — Алексей поддел лапоть лопатой. — Пыль веков, просто. И это... что за травы? Ну и бардак они оставили.

Он бросил лапоть и пучок в один из мешков.

Алексей быстро, решительно смел остатки хлама в мешки. Даже не попытался разобрать, что именно он выбрасывает. Все, что лежало в этом проклятом углу, казалось ему воплощением всего того, что он хотел вычеркнуть из жизни: ветхости, запустения, какой-то неведомой, отвратительной ему «древности».

Когда мешки были завязаны, Алексей вынес их к большому мусорному баку, стоящему у дальней ограды, и бросил внутрь. Он чувствовал облегчение. Дом стал чище. Теперь он будет дышать по-другому.

— Вот так, — сказал он, возвращаясь в дом. — Теперь здесь будет порядок.

Дома было тихо. Слишком тихо. Марина обняла Никиту, который неотрывно смотрел на печь.

— Все хорошо, мам, — прошептал мальчик, но глаза его были полны страха.

Когда солнце начало склоняться к горизонту, окрашивая небо в тревожные оттенки красного, дом ожил. Сначала это были еле слышимые звуки, словно кто-то ковырял стену снаружи. Затем, из глубины дома, послышался глухой, тяжелый стук, как будто кто-то бился кулаком в деревянную дверь.

Алексей напрягся.

— Что это? — спросил он, его голос был на грани.

Внезапно с полки в гостиной слетела ваза, разбившись вдребезги. Затем, как по чьей-то команде, посуда на кухне затряслась, тарелки начали скользить по столу, падая на пол. Из спальни донесся звук, похожий на хлопок — словно кто-то с силой ударил по двери.

— Что происходит?! — крикнул Алексей, пытаясь схва-

тить стул, чтобы перегородить дверь.

Но стул вырвался у него из рук, словно обрел собственную волю, и с ужасающей силой взлетел вверх, врезавшись в потолок. От удара посыпалась штукатурка. А затем рухнул вниз.

В этот момент раздался дикий, пронзительный крик Никиты.

— Дедушка злится! — кричал мальчик, задыхаясь от слез.
— Он говорит, ты его обидел! Ты его вещи выбросил!

Алексей застыл, глядя на потолок, где зиял след от стула. Его рациональный мир рушился на глазах. Он чувствовал, как страх проникает в самые кости.

Окна, которые были затянуты пленкой, вылетали наружу с оглушительным треском, оставляя зияющие провалы в стенах. Двери, которые еще держались, срывались с петель, ударяясь о стены с такой силой, что казалось, сам дом выплевывает их.

Марина, крепко прижимая к себе дрожащего Никиту, вскакивает с дивана. Ее глаза были расширены от страха, в них читалась какая-то обреченность.

— Алексей, нам надо уезжать! Сейчас же!

Алексей, словно очнувшись от гипноза, бросился к входной двери, пытаясь открыть ее. Дверь, которая до этого поддавалась с легким скрипом, теперь была заперта изнутри, как будто ее держала невидимая сила. Он дергал ее, бил плечом, но она не поддавалась.

— Закрыто! — прохрипел он.

В этот момент, из глубины дома, из той самой комнаты, где стояла печь, послышался скрежет, а затем — тяжелый, властный звук, как будто кто-то волок что-то очень большое и неуклюжее. Это был звук, который проникал в самую душу, вызывая первобытный страх.

Никита, уже не крича, а всхлипывая, показывал пальцем в сторону печи.

— Там... там дедушка... Он идет...

Алексей, охваченный паникой, рванул к окну и, не задумываясь, выпрыгнул наружу, падая на мокрую траву.

— Марина! Никита! — крикнул он, оглядываясь.

Марина, держа Никиту на руках, вылезла следом, ее одежда была порвана, на лице кровоточили царапины. Они бросились к машине, которая стояла неподалеку, как спасительный маяк в этом бушующем море хаоса.

Алексей судорожно дергал ключ в замке зажигания. Стартер вращался, но двигатель не заводился. Звук был жалобным, умирающим.

— Нет! Нет! — он бил кулаками по приборной панели.

За их спинами, из зияющих окон дома, доносились звуки, похожие на смех и рычание. Алексей, взглянув в зеркало заднего вида, замер. В дверном проеме стояла неясная, темная фигура. Она была коренастой, сутулой, словно старик, облаченный в грязно-серую мешковину. Фигура молчала, но от нее исходила аура древней, неумолимой силы.

В этот момент, словно очнувшись от своей «смерти», двигатель «Пежо» взревел, заглох и снова ожил. Алексей вдавил педаль газа в пол. Машина, взвизгнув шинами, рванула вперед, оставляя позади разрушенный дом и зловещее присутствие, которое, казалось, впилось в их души.

Они ехали по грунтовой дороге, не оглядываясь, пока де-

ревня не осталась далеко позади, а гул мотора не стал единственным звуком, заглушающим воспоминания.

Эпилог

Прошло несколько месяцев. Виктор Сергеевич, с той же неизменной, застывшей улыбкой, открывал калитку. За ним следовали новая пара покупателей — молодая, энергичная, полная надежд.

— Дом с историей, — вещал риелтор, потирая руки. — Прежние хозяева, знаете ли, уехали внезапно, по каким-то важным делам. Не успели даже вещи забрать. Просто удивительное место, простор, природа... Главное, нужно суметь с ним подружиться, найти общий язык, так сказать.

Он открывал массивную, почерневшую дверь. Из глубины дома, из полумрака, донесся едва слышный, но отчетливый скрип половиц. Тихий, приветливый, как будто кто-то, кто всегда был здесь, готов был встретить новых гостей.

Кукла

Деревня Средние Ольхи пряталась в низине, словно боясь встретиться взглядом с солнцем. Здесь дома стояли врозь, каждый за своим частоколом, словно побитые жизнью старики. Лиза приехала сюда из города, спасаясь от шума вечного бетона.

Бабушка Степанида встретила её молчанием. Она всегда была женщиной немногословной, пребывающей в своих фантазиях или воспоминаниях. Часто любила читать старые книги о любви и свершениях.

Лиза, обустроившись и ведомая любопытством, в один из серых полдней пробралась в пристройку, в которую бабушка ходить не велела. Среди ржавых кос и пустых горшков, заваленная трухой, лежала она. Кукла. Грубое плетение из потемневшей от времени соломы. Вместо лица — гладкая поверхность, но в лучах света казалось, что у куклы есть выражение: застывшая в ожидании гримаса. Она была перевязана красной шерстяной нитью, врезавшейся в сухие стебли, и имела настоящие волосы на голове, человеческие. Кто-то пожертвовал своими волосами, чтобы придать кукле более серьёзный вид.

Лиза провела пальцем по соломе. Ожидала колючей боли, но кукла оказалась на удивление мягкой, теплой. Словно под слоем сена билось крохотное, замедленное сердце.

— Какая ты милая, — прошептала Лиза. Она забрала её в дом, не заметив, как в тишине сарая, словно эхо, раздался сухой вздох.

Первые три дня прошли спокойно, если не считать того, что Лиза постоянно находила куклу не там, где оставляла. Сначала она сидела на подоконнике, словно глядя в поле, затем — на комод.

— Ты переставила её? — спросила Лиза за завтраком. Степанида замерла, вглядываясь в куклу, которая теперь «сидела» на полке в серванте. — Убери её, Лиза.

Лиза рассмеялась, хотя смех прозвучал фальшиво. — Это просто сено, бабуль.

Ночью в доме зазвучали шорохи, будто тысячи мелких насекомых перебирали лапками по половицам. Лиза проснулась от того, что в комнате пахло чем-то гнилым. Она зажгла свечу. Кукла сидела на краю её кровати. Её «лицо» было повернуто точно к Лизе. В полумраке казалось, что её волосы шевелятся, а соломенные стебли пульсируют. Лиза испуга-

лась и столкнула ногой куклу на пол.

Она не спала до рассвета. А на утро решилась: взяла куклу и, завернув в старое тряпье, унесла далеко в овраг, за старую мельницу. Она бросила её в бурьян, не оглядываясь.

Вернувшись, Бабушка Степанида сидела на кухне, сжимая в руках икону. Лиза повернула голову. На кухонном столе сидела кукла.

Из куклы донёсся едва слышный голос. «Я здесь, и всегда была, все эти годы. Ты помнишь меня?»

Лиза отшатнулась. — Это был голос Анны Павловны, соседки, что умерла двадцать лет назад. — произнесла бабушка. Женщины, которую все в деревне называли ведьмой за её неестественно голубые, стеклянные глаза.

Сгущались сумерки. Дом, казалось, начал сжиматься, стены давили на легкие. Воздух стал густым. — Нужно сжечь её до рассвета, иначе быть злу! — крикнула Степанида.

Они бросили куклу в жерло печи. Пламя взвилось с шипением, будто живое. Но пепел не осел. Он кружился в воздухе, собираясь в призрачный силуэт, который стремительно обретал черты высокой женщины с длинными руками.

Лиза обернулась к зеркалу в прихожей и застыла. За их спинами, стояла она — Анна Павловна. Её глаза были не просто голубыми — они светились холодным, мертвенным светом, от которого стыла кровь.

— Ты была такой слабой, Лиза, — прошептал голос, раздавшийся прямо у уха.

Две невидимые, но ледяные руки вцепились в горло бабушки и внучки. Их подняло над полом, словно тряпичных кукол. Воздух исчез. Лиза видела, как лицо бабушки синет, видела, как жизнь уходит из её глаз. И у неё самой зрение начало сжиматься до тех пор, пока последний вздох не вырвался из груди и она провалилось в бесконечное ничто, где нет ни проблем, ни печалей, ни горя, ни ощущения собственного сознания.

Тишина вернулась в дом. Часы на стене тикали размеренно, будто ничего не произошло. На полу лежали два тела — старое и молодое, бездыханные, лишённые искры жизни.

Внезапно Лиза медленно открыла глаза и поднялась. Она подошла к зеркалу, прикоснулась рукой к своей щеке и улыбнулась, смотря в своё отражение, в свои голубые глаза.

Кукушка

Деревня Верхние Сосны, затерянная среди бескрайних просторов сибирской тайги, была не столько населенным пунктом, сколько уединенным местом, где время казалось вязким, как лесной мед, а дни сливались в единую, тягучую вереницу. Лес здесь был не просто фоном — он был осязаемой сущностью, чье дыхание ощущалось в каждом порыве ветра, проникающего сквозь щели в срубах, в каждом шорохе под ногами. Здесь жизнь подчинялась древним, неписаным законам, и самым главным из них был страх перед тем, что таится в самой сердцевине этой первозданной чащи.

Когда на деревню обрушилась беда, она не постучалась в двери. Она вползла, как липкая, ползучая паутина, сковывая движения и вытягивая жизнь. Дети, еще вчера резвившиеся на солнечных полянах, начали увядать. Сначала это была лишь легкая вялость, но вскоре детские щеки, прежде румяные, покрылись мертвенной бледностью, а по ночам из их комнат слышался тихий, прерывистый хрип, словно легкие вот-вот сдадутся. Местные знахарки, шептавшиеся о «лесной лихоманке», не знали, как помочь. Их травы, собранные с такой тщательностью, казались бессильными против этой невидимой напасти.

Именно в это время, когда надежда истончилась до ниточки, а в глазах матерей поселился немой ужас, в деревню пришла незнакомая ведунья. Ее появление было столь же внезапным, сколь и необъяснимым. На пыльной, утоптанной тропе, ведущей к деревне, возникла сторбленная фигура, окутанная в лохмотья, пахнущие сырой землей и хвоей. Ее спина была согнута в тугую дугу, а лицо — изуродованное сетью глубоких морщин — казалось вырезанным из коры старого дуба. На левой щеке зиял глубокий шрам, закрывавший половину глаза, превращая его в бельмо, слепо уставившееся в пустоту.

Ведунья не искала убежища или пищи. Она просто направилась прямо к избам, где метались в лихорадочном бреду дети. Старуха заходила в каждый дом, не говоря ни слова, и из своего потрепанного мешка доставала пучки сушеных трав. Она перетирала их между пальцами, и в воздухе разносился резкий, дурманящий аромат. Ведунья прикладывала к губам детей деревянную чашечку с отваром, и каждый раз, прежде чем уйти, произносила одними и теми же хриплыми устами:

«К рассвету завтрашнего дня хворь отступи».

Обойдя каждый дом с больными детьми, ведунья направилась обратно в лес, так же загадочно исчезнув, как и по-

явилась.

На следующий день, когда первые лучи солнца коснулись верхушек деревьев, деревню наполнил детский смех. Жару как рукой сняло. Дети, еще вчера лежавшие пластом, будто никогда и не болели, высыпали на улицу, их щеки вновь порозовели, а глаза засияли прежним блеском. Радость была всеобъемлющей, почти безумной.

Через неделю пропал мальчик Ваня, ушедший за грибами в ближайший перелесок. Его мать, Мария, металась по деревне, сжимая в руках его любимую игрушку. Потом пропала маленькая Оля, отправленная к ручью за водой. Поиски, предпринятые всей деревней, превратились в бесплодные блуждания по кромке леса. Тропинки, ведущие в чащу, казались пустыми, молчаливыми, и лишь в ночной тишине, когда даже ветер замирал, из глубины леса доносилось странное, навязчивое, сводящее с ума своей монотонностью:

Ку-ку... Ку-ку...

Это было не просто птичье кукование. В нем слышалась какая-то зловещая, насмешливая интонация, словно кто-то высчитывал время, отмеряя последние мгновения.

За месяц исчезли почти все дети из деревни. Лишь у Да-

рьи оставался её сын Любомир. Она видела, как меняется её мальчик. Его некогда живые, карие глаза, полные детской любознательности, теперь стали тусклыми, словно выцветшие от времени. Он перестал смеяться, перестал играть. Он сидел часами на лавке у окна, устремив свой взгляд в сторону леса. Он исполнял её просьбы — приносил воду, убирал за собой — но делал это с пугающей механичностью, словно марионетка, движимая невидимыми нитями. Его речь стала скудной, односложной.

Однажды, Дарья сказала: — Любомир, милый, сбегай-ка к соседям, к тете Маше, возьми немного сахара.

Мальчик молча встал. Оправил свою маленькую рубашку, вышел за дверь. Дарья, испытывая необъяснимую тревогу, прильнула к окну. Она видела, как Любомир идет по тропинке. Но вместо того, чтобы свернуть к соседскому дому, он остановился, словно что-то услышал. Его голова дернулась, а потом, с какой-то невероятной, пугающей решимостью, он резко свернул с тропы и побежал в сторону густеющей черной стены леса.

— Любомир! — крик вырвался из груди Дарьи, полный отчаяния. — Любомир, стой!

Она выскочила из избы, не успев даже накинуть платок и

бросилась вслед за сыном. Ветви хлестали её по лицу, колючий кустарник рвал тонкую ткань платья, но она не чувствовала боли. Она видела впереди лишь мелькающую светлую макушку сына. Лес становился все гуще, теснее, солнечный свет с трудом пробивался сквозь плотный полог деревьев, создавая ощущение сумерек даже днем.

— Любомир, вернись! Пожалуйста, вернись! — её голос срывался на хрип.

Она бежала, пока ноги не стали ватными, пока легкие не обожгло от недостатка воздуха. Когда она остановилась, тяжело дыша, вокруг царила абсолютная, мертвая тишина. Ни шороха, ни звука. Она была одна. Вокруг неё смыкался лес, казалось, с каждым мгновением становясь всё темнее и враждебнее. Она поняла с ужасом: она заблудилась. Никогда еще она не заходила так далеко, и теперь не знала, в какую сторону вернуться.

Ночь подкрадывалась всё ближе. Холодный, пронизывающий ветер обдувал дрожащее тело. Дарья упала на сырую землю, обняв колени, и слезы хлынули из её глаз. Она смотрела на звезды, холодные и далекие, и спрашивала себя: что это за проклятие обрушилось на их деревню? Куда пропали все дети?

И тут, нарушая всеобщую тишину, раздалось: Ку-ку... Ку-ку...

Звук был так близко, так навязчиво, что Дарья вздрогнула, на тут же обмякла. Это всего лишь птица, успокоила она себя. Она подняла голову и увидела её. На нижней ветке старой, раскидистой ели, сидела кукушка. Её перья сливались с ночным мраком, но два глаза, казалось, светились в темноте. Она смотрела на Дарью. Не просто смотрела — она изучала её, с каким-то почти человеческим любопытством.

— Кукушка, кукушка, — прошептала Дарья, чувствуя, как с губ срывается первое, что пришло на ум. — Скажи мне... скажи, сколько мне осталось жить на белом свете?

Птица молчала. Ее взгляд был прикован к Дарье, и в этой неподвижной, внимательной позе было что-то гипнотизирующее, что-то, от чего кровь стыла в жилах.

Дарья, чувствуя, как силы покидают её, поднялась. Ей нужно было идти. Куда угодно, лишь бы не оставаться на этом месте. Она побрела наугад, продираясь сквозь заросли, спотыкаясь о корни. Через какое-то время впереди, сквозь густые деревья, забрезжил слабый, призрачный свет. Надежда затеплилась в её сердце. Она бросилась вперед, не чувствуя усталости.

Свет становился ярче, и вскоре она выбежала на небольшую поляну. В центре поляны находилось тихое, гладкое озеро, чья поверхность отражала бледный свет луны, создавая иллюзию серебряного зеркала. А вокруг озера, в идеальном круге, стояли двенадцать огромных валунов, словно древние стражи, охраняющие это место.

Жажда мучила Дарью. Она упала на колени у кромки озера и припала к воде. Но вода оказалась странной — густой, почти как кисель, и от нее исходил приторный, дурманящий аромат. Она пила, и пила, и пила, пока желудок не наполнился до отказа. Как только она отстранилась от озера, веки стали неподъемными, словно налитые свинцом. Тяжелый, вязкий сон поглотил её, унося прочь от реальности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.